

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ

ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

№ 10.

6 МАРТА 1860 Г.

Цѣна 10 р. с. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 р. с.; иногородные прилагаютъ за пересылку 1 р. 50 к. с.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора Его Императорскаго Величества, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ газетныхъ экспедиціяхъ. Въ Москвѣ, въ магазинахъ: музыкальномъ Ленгольда, и въ книжномъ Базунова. Желаящіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ № 1-го со всеми приложениями.

Къ № 10-му прилагаются: этюды для фортепіано въ двѣ руки, соч. Геллера.

Содержаніе: Второй концертъ Вьетана (А. Сърова).—Г. А.—ръ В.—чь Лазаревъ и его концертъ. (его же).—Концерты (М. Р.).—Живопись и музыка. (А. Сомова).—Похожденіе за билетами на итальянскую оперу, въ послѣдній день масляницы.—Библиографическое извѣстіе.

ВТОРОЙ КОНЦЕРТЪ ВЬЕТАНА.

(2 марта, въ большемъ театрѣ).

Есть артисты—виртуозы, про которыхъ каждый отчетъ въ общемъ, долженъ состоять изъ восклицаній: отлично! превосходно! совершенство!

Къ такимъ виртуозамъ безъ малѣйшаго спора, причисленъ Вьетанъ, уже болѣе пятнадцати лѣтъ. Немного прибавить похвалы ему, если сказать, что онъ и нынче играетъ такъ же безподобно, какъ игралъ восемь лѣтъ тому назадъ (т. е. когда мы, въ Петербургѣ, слышали его въ послѣдній разъ).

Качество, которое преимущественно отличаетъ Вьетана отъ его соперниковъ, значительный его талантъ *композиторскій*. Концертъ, исполненный имъ въ среду (4-й, D-moll), чрезвычайно интересная пьеса; это не просто—искусное сочетаніе мастерски преодолѣнныхъ виртуозныхъ трудностей, а музыка, *хорошая* музыка, со взмахами кисти чисто-симфоническими, съ превосходными оркестровыми сочетаніями, съ теплотою и серьезностью внутренняго направленія. Тутъ есть, однимъ словомъ, *музыкальность истинная*, которой зачастую и слѣдствъ не оказывается въ томъ, что играютъ и пишутъ (!) гг. пресловутые виртуозы.

Исполненіе Вьетана, безукоризненность его интонаціи, гибкость, упругость, сила, широкость, мягкость, деликатность его смычка, все это дѣло извѣстное для всѣхъ, кому удалось слышать Вьетана хоть однажды. Правильность его манеры обратилась въ поговорку, въ типъ классической игры на скрипкѣ. Съ этою правильностью, *постоянною* безукоризненностью

неразлучно—спокойствіе; а преобладаніе *спокойствія*—качество, нѣсколько-враждебное *тому*, мгновенно, порывисто увлекающему музыканта, а черезъ него и слушателей. Вьетанъ не столько увлекаетъ, трогаетъ, сколько радуется и чаруетъ «пластинкою», красотой музыкальнаго звука.

Красота и граціа спокойная, составляютъ конечно главное, господствующее качество игры Вьетана, но, разумѣется, что ему, какъ великому артисту, доступны неисчислимо разнообразныя отбѣнки стилиа. Жаль будетъ, если что нибудь помѣшаетъ Вьетану дать намъ и въ нынѣшній его приѣздъ нѣсколько образчиковъ дивной игры его *въ квартетахъ*. Въ прошломъ году Лаубъ разлакомилъ насъ послѣдними Бетховенскими квартетами. А вѣдь и Вьетанъ не забудетъ объ этихъ сокровищахъ, доступныхъ для слушателей только при первостепенно-изящномъ исполненіи!

Во второй свой вечеръ, кромѣ капитальной пьесы, концерта *Réminiscer*, Вьетанъ сыгралъ очень занимательную и отлично-оркестрованную пьесу, по характеру и по заглавію—«картина охоты»; потомъ (съ акомпаниментомъ ф. п.) спѣлъ своимъ восхитительнымъ смычкомъ «*la mia letizia*» и другія темы изъ Ломбардовъ, также Алябьевскаго «Соловья», гдѣ переливался въ тонкихъ треляхъ, какъ бывало въ этой же, столько всѣмъ знакомой пѣсенкѣ, переливался голосокъ Вярдо.

Въ заключеніе, сверхъ пьесъ стоявшихъ въ программѣ, знаменитый скрипачъ, въ благодарность за грохотъ рукоплесканій, подарилъ публикѣ «Венеціанскій карнавалъ», нестоициую тему для скрипичныхъ затѣй.

Теперь великій скрипачъ, одинъ изъ «царей скрипки», восхищаетъ своими звуками—бѣлокаменную; но возвратясь оттуда, безъ сомнѣнія, дастъ еще два, три концерта. А о квартетныхъ сеансахъ постараемся ему напомнить.

По заведенному порядку, между пьесами концертиста было лѣніе, на этотъ разъ очень удачное. Пѣлъ г. Ратковскій, баритонъ котораго, по моему мнѣнію, чрезвычайно замѣчательнъ, особенно въ нѣмецкихъ пѣсняхъ. «*Lieder*», характера чисто-германскаго, нѣсколько сентиментальнаго, г. Ратковскій исполняетъ отчетливо и съ большимъ вкусомъ.

Меня удивляетъ, отчего г. Ратковскій не вздумаетъ въ од-

номъ изъ многихъ предстоящихъ концертовъ, исполнить столько выгодный для высокаго баритона романсъ Вагнера, изъ Тангейзера, «Der Abendstern» (иѣнне Вольфрама къ вечерней звѣздѣ?) Г. Ратковскій можетъ быть заранѣе увѣренъ въ большомъ успѣхѣ, если исполнить эту музыку какъ она написана, т. е. съ акомпаниментомъ оркестра, гдѣ на первомъ планѣ будутъ арфа и виолончель.

Дальнѣйшихъ концертовъ Вьетапа, всѣ истинные любители музыки ждутъ съ большимъ петербургскимъ.

А. СЪРОВЪ.

Г. А—ръ В—чь Лазаревъ и его концертъ.

Такие господа, какъ, на примѣръ, въ литературѣ, авторъ знаменитаго перевода второй части Гётева Фауста, г. Овчинниковъ, а въ музыкѣ авторъ «классическихъ» (по его собственнымъ словамъ) ораторій «Сотворенія міра» и «Страшный Судъ», сочиняющихся (по объявленію автора) «въ Парижѣ, Саксенъ-Веймарѣ, на Аѳонской горѣ и въ Абиссиніи», ставятъ литературныхъ и музыкальныхъ лѣтописцевъ въ крайнее затрудненіе. Просто смѣяться надъ такими дикими гурьезностями можетъ не всякій, для кого дорого и свято служеніе искусству, на кого болѣзненно дѣйствуетъ каждое его посрамленіе, будетъ ли то вслѣдствіе шарлатанскаго разчета, или вслѣдствіе самоослѣпленія певѣжественной бездарности, самоослѣпленія, близкаго къ помѣшательству.

Съ другой стороны такіа въ своемъ родѣ рѣдкія и замѣчательныя уродства человѣческаго интеллекта почти недоступны серьезному разбору, да притомъ, каждая сколько-нибудь серьезная критика отдала бы черезъ чуръ много чести подобнымъ «авторамъ» и доставила бы только пищу ихъ, и безъ того, колоссальному славолюбію.

Г. А—ръ В—чь Лазаревъ, помѣстившій на фронтисписѣ своего «Страшнаго Суда» два медальона: одинъ, съ портретомъ Микель-Анджело, другой—со своимъ собственнымъ (я любовался этимъ фронтисписомъ у Анста, въ Веймарѣ), готовъ всѣ печатаемыя на него пасквили въ газетахъ принять прямо за враждебность журналистовъ къ его «непризанному гению», готовъ съ триумфомъ развозить, гдѣ нибудь по Башкиріи и Абиссиніи, даже мастерски-написанную статью, помѣщенную, во вторникъ, въ Сѣверной Пчелѣ, такъ какъ *окусъ, начитанность и образованность* автора гимна «взбранной восводѣ» съ французскимъ переводомъ «au chef élu», никакъ ему не позволять увидѣть «иронію» въ расточаемыхъ ему комплиментахъ и титулахъ.

Для такого господина это все—слишкомъ большая тонкость. Печатныя слова «Evviva il signor cavaliere e maestro» для него—дипломъ, которымъ онъ будетъ гордиться и щеголять, и мучить разныхъ артистовъ и меценатовъ въ разныхъ странахъ свѣта.

Смѣяться—какъ видите—ни къ чему не служитъ; «не смѣяться»—выходитъ еще болѣе—не кстати.

Нѣмецкіе критики (которыхъ статьи мнѣ случилось читать именно въ прошлогоднихъ Вѣнскихъ журналахъ) сдѣлали, на примѣръ, жестокой промахъ. Они, бѣдняжки, творчество русскаго непризаннаго гедя припили совсѣмъ «au sérieux» и сожалѣли, что хоронее впечатлѣніе, оставленное въ Вѣнѣ русскою (?) музыкою А. Рубинштейна, послѣ нарушилось произведеніями другаго славянина, А. Лазарева, (Blätter für Musik. Ноябрь 1859.)

Отъ насъ авторъ безголосныхъ ораторій не получитъ ni cet excès d'honneur, ni cette indignité.

Всего проще—не разбирать «славянскій» музыкальности г. Лазарева и не посмѣиваться надъ его жалкою претензіею, которою онъ приноситъ стыдъ имени «русскому» въ европейскихъ столицахъ; всего проще, ограничиться перепечатаніемъ цѣликомъ его, безсмертной въ своемъ родѣ, афиши. Вотъ она:

Въ залѣ Дворянскаго собранія, въ воскресенье, 28-го февраля, въ часъ пополуночи, большою вокальный и инструментальный благотворительный концертъ, по-вой музыки славянскаго характера (*), исполненной съ большимъ успѣхомъ: въ Италиі, парижѣ и Германіи. Сочиненія А-ра В-ча Лазарева. Часть 1-я. 1. Смерть Олоферна. Большая увертюра. Окончена въ Римѣ въ 1858 году, (въ первый разъ). 2. Блаженство рая. Четыре пьесы духовной музыки. 3. «Axion Estin». Сочинено въ Вѣнѣ въ 1857 г. 4. «Misereere». Посвящено Россіи, окончено въ Лейпцигѣ въ 1857 году, (въ первый разъ). 5. 1-й. День сотворенія міра. Сочинено въ С. Петербургѣ въ 1855 году. Программа: Могущество Бога. Духъ Божій поситъ надъ бездною. Воля Бога. Хатическое состояніе міра. И рече Господь: «Да будетъ свѣтъ и бысть свѣтъ». Гимнъ небесныхъ силъ. 6. 3-й День сотворенія міра. Сочинено въ Азіатской Турціи въ 1858 году. Программа: Твердь посреди воды. Присутствіе Бога, рекаго: «Да соберутся воды». Перекаты воды. Отдаленное эхо. Окончаніе творенія (въ первый разъ). 7. 3-й День сотворенія міра. Сочинено въ Парижѣ и окончено въ Саксенъ-Веймарѣ въ 1859 году. Программа: Присутствіе Бога, рекаго: «Да произрастетъ быліе травное» Произрастеніе травъ, дресвъ и цвѣтовъ. Земля наполняется благоуханіемъ. Окончаніе творенія (въ первый разъ). 8. № 1-й. изъ ораторіи «Страшный судъ» сочинено въ Абиссиніи и окончено въ С. Петербургѣ въ 1857 г. (въ первый разъ). Между 1-й и 2-й частями концерта, будутъ исполнены: «Et in carnatus est de spiritu» (XIV вѣка). «Aue Maria» съ акомпаниментомъ квартета струнныхъ инструментовъ (XVII) и проч. проч.

(* Музыка А-ра В-ча г. Лазарева, не заключающая въ себѣ элементовъ Германскаго, Италианскаго, Французскаго и Русскаго, есть собственность композитора, происхожденіемъ Русскаго, а слѣдовательно и Славянина.

Прибавимъ искреннее желаніе, чтобы петербургскія концертныя залы навсегда перестали быть поприщемъ для музыкальныхъ подвиговъ подобнаго господина.—

А. СЪРОВЪ.

КОНЦЕРТЫ.

Концертъ г-жи Леоновой, точно также какъ и ея бенефисъ, привлекъ многочисленную публику; театръ былъ рѣшительно полонъ; любимой артисткѣ поднесены были: драгоцѣнный браслетъ, букеты; однимъ словомъ, ей сдѣлана была овація, краснорѣчивѣе всего свидѣтельствующая о расположеніи публики къ нашей отличной русской пѣвицѣ, которой нельзя недооцнить. Мнѣніе Вѣстника о г-жѣ Леоновой давно всѣмъ извѣстно, не станемъ повторять высказанное уже нами неоднократно, а скажемъ только, что и въ нынѣшній разъ мы раздѣляли восторгъ публики. Изъ участвовавшихъ въ концертѣ конечно произвели большой эффектъ: одушевленная, полная экспрессіи и замѣчательная побѣжденіемъ большихъ трудностей игра на скрипкѣ г. Сень-Леона и вполне артистическая игра на виолончели г. Монтини. Совершенно другого рода впечатлѣніе произвела на публику пѣвица Лизандеръ, тоже участвовавшая въ концертѣ. Откуда явилась г-жа Лизандеръ, не знаемъ, но право нужно много смѣлости, чтобы съ тѣми данными, которыми она обладаетъ или, вѣрнѣе сказать, вовсе не обладаетъ, явиться публично. Позволительно ли такъ немилосердно терзать слухъ бѣдныхъ меломановъ? За то ужъ они и пошিকাи порядкомъ, да и по дѣломъ. Изъ исполненныхъ пьесъ, по обыкновенію, прослушаны

были съ истиннымъ удовольствіемъ отрывки изъ «Жизни за Царя» и романсы, увлекательно пропѣтые г-ж. Леоновой. Г-жа Латышева довольно блистательно съ искусною вокализациею исполнила арію Меркаданте; понравился тоже вальсъ князя Вяземскаго съ акомпаниментомъ скрипки и виолончели (*obligato*); большой эффектъ произвела фантазія на пѣсню «возлѣ рѣчки, возлѣ моста» К. Н. Лядова, исполненная хоромъ и съ большимъ знаніемъ дѣла и толкомъ инструментальной, наконецъ отличился и хоръ пѣвчихъ Л.-Гв. Павловскаго полка.

Концертъ г. Бальфа состоялся въ понедѣльникъ, въ новомъ залѣ г. Руадзе. Залъ обширенъ, красивъ, въ самомъ центрѣ города, резонансъ хорошъ; для гг. концертистовъ это весьма важное нововведеніе: по настоящее время недостатокъ у насъ въ хорошемъ концертномъ залѣ былъ ощутителенъ для артистовъ и для публики, теперь и этотъ пробѣлъ нашей общественной жизни пополненъ. Залъ можетъ вмѣстить около тысячи слушателей, есть и хоры; однимъ словомъ, можемъ поздравить гг. артистовъ, такъ всегда затруднявшихся въ присканіи зала. Г. Бальфъ давно извѣстный музыкальному міру какъ талантливый композиторъ, представилъ въ этотъ вечеръ нѣсколько образчиковъ своихъ произведеній и въ нынѣшній разъ съ успѣхомъ поддержалъ свою извѣстность; онъ инструментуетъ съ большимъ тономъ и вкусомъ и притомъ дирижируетъ съ знаніемъ дѣла и увлеченіемъ. Какъ съ опернымъ композиторомъ, публика наша имѣла случай ближе познакомиться съ г. Бальфомъ, по случаю даваемой у насъ оперы его «Цыганка». Въ нынѣшній разъ, въ особенности понравился новый маршъ г. Бальфа, инструментованный весьма эффектно и оригинальный по своей фактурѣ, который былъ по общему требованію повторенъ; мы находимъ только, что въ залѣ онъ производитъ слишкомъ много шума и поэтому былъ бы умѣстнѣе въ театрѣ. Мнѣніе наше о г-ж. Бальфѣ уже извѣстно читателямъ нашимъ: какъ оперная пѣвица она весьма слаба; въ концертѣ, въ особенности въ неслишкомъ большомъ залѣ, благодаря ея искусной вокализаци, ее можно слушать съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, хотя, признаемся, особеннаго впечатлѣнія она на насъ никогда не производитъ. Въ этотъ вечеръ мы любовались еще прекраснымъ, симпатичнымъ голосомъ г-жи Лешетицкой; къ сожалѣнію, выборъ исполненныхъ ею, романса и нѣмецкой пѣсни, нельзя назвать удачнымъ; дуэтъ изъ «Il Giuramento» съ г-ж. Бальфѣ прошелъ весьма ровно, съ большимъ согласіемъ. Любитель, г. Штейншпелеръ, познакомилъ насъ съ романсомъ (*An den Abendstern*, къ вечерней звѣздѣ) изъ Тангейзера. Оригинальная и увлекательная мелодія этого романса, оригинальный же и весьма эффектный акомпаниментъ даже въ фортеціанной партіи, произвели на насъ большое впечатлѣніе; воображаемъ себѣ, какой эффектъ долженъ производить этотъ романсъ съ акомпаниментомъ виолончели (*obligato*), скрипокъ и арфы, которыхъ, конечно, далеко не полно замѣняло фортеціано. Какъ же это обвиняютъ Вагнера въ недостаткѣ мелодіи? Впрочемъ, у насъ обвиняютъ Вагнера совершенно *глословно*, ради страсти къ оппозиціи, потому что съ произведеніями его мало кто знакомъ. Надѣмся, что придетъ время, когда Дирекція Императорскихъ театровъ исполненіемъ оперъ Вагнера доставитъ публикѣ нашей случай на дѣлѣ убѣдиться, на чьей сторонѣ правда; пока мы будемъ продолжать поддерживать чловѣка, сдѣлавшаго такой переворотъ въ музыкальномъ мірѣ: спорятъ только объ истинныхъ генияхъ, талантахъ и вообще никто не можетъ сомнѣваться, что во всякомъ случаѣ Вагнеръ — личность необыкновенно интересная и замѣчательная.

Изъ предстоящихъ истинныхъ музыкальныхъ наслажденій, мы должны прежде всего заявить читателямъ нашимъ въ высшей степени интересный симфоническій концертъ Дирекціи, который долженъ состояться сегодня въ Большомъ Театрѣ. Это въ полномъ смыслѣ музыкальный праздникъ, о которомъ подробно будетъ говорить въ слѣд. № А. Н. Сѣровъ.

За тѣмъ спѣшимъ сообщить, что меломанамъ нашимъ предстоитъ еще послѣдній случай познакомиться съ замѣчательнымъ талантомъ сестеръ Ферли. Передъ отъѣздомъ своимъ, онѣ явятся въ частномъ музыкальномъ вечерѣ, въ которомъ принимаютъ дѣятельное участіе: извѣстный нашъ любитель Н. С. Мартыновъ, нѣкоторые другіе любители, а также извѣстныя любительницы: г-жи Лешетицкая и Штубс. Мы знаемъ, что на этотъ вечеръ собирается цвѣтъ нашего общества; пора наконецъ, а то право стыдно было бы петербуржцамъ разстаться такъ равнодушно съ артистками, возбуждившими восторгъ во всей Европѣ. Неужели на самомъ дѣлѣ музыкальный вкусъ у насъ до того испорченъ, что только аршинныя афиши съ замысловатыми названіями живыхъ картинъ могутъ привлечь публику? Надѣмся, что у насъ найдется довольно истинныхъ любителей музыки, которые отправляются въ концертъ ради музыки, а не ради какихъ либо другихъ всякаго рода *увеселеній*. Такихъ-то истинныхъ любителей приглашаемъ во вторникъ, въ 8 часовъ вечера, въ залъ г. Бенардаки; между прочимъ, исполнены будутъ: «Воспоминаніе о Гайднѣ» Леопара—г-жей Каролиной Ферли, тріо изъ «Вильгельма Телла» (гг. Болотовъ, Вишамовъ и Безобразовъ), извѣстная арія Страделлы (*di chiese*)—Г-жа Ферли и гг. Демидовъ и Мартыновъ, 7-й концертъ Беріо—г-жей Виргиніей Ферли, соната Бетховена (*fa maj*) г-жа Каролина Ферли и Н. С. Мартыновъ, дуэтъ для двухъ скрипокъ и др. Желаящие быть на этомъ вечерѣ могутъ адресоваться къ Н. С. Мартынову, или до пачала, у входа въ залъ.

Знаменитый піанистъ Дрейшокъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ въ прошедшій вторникъ; въ четвергъ его 1-ый концертъ. Имя Дрейшока такъ извѣстно въ музыкальномъ мірѣ, что не нуждается въ никакихъ комментаріяхъ; должно ожидать, что концерты его будутъ необыкновенно блистательны.

Пріѣхалъ еще молодой итальянскій композиторъ г. Терранова, оперы котораго имѣли значительный успѣхъ въ Италіи. Онъ и талантливый піанистъ, что даетъ ему возможность знакомить публику съ своими произведеніями въ случаѣ отсутствія оркестра. Вѣроятно и г. Терранова явится публично, а пока сообщимъ извлеченныя нами изъ разныхъ газетъ свѣденія объ его артистической карьерѣ.

Джованни Терранова родился въ Неаполѣ въ 1831-мъ году; изучалъ таинства музыки у знаменитаго маэстро Pietro Raimondi, потомъ былъ ученикомъ Меркаданте и получилъ дипломъ отъ консерваторіи (*Real conservatorio di S-t Pietro a Majella*). Извѣстность его въ Италіи началась съ 1855 года, когда онъ написалъ первую свою оперу 1^ю *Orfana di Lorena*, которая была представлена въ Неаполѣ, сперва на театрѣ Fondo, а потомъ перешла на театръ S-t Carlo, и была принята итальянцами восторженно; въ этой оперѣ исполняли съ большимъ успѣхомъ первую партію синьора *Lorena*, баритонъ Бричоль и извѣстный петербургской публикѣ теноръ *Монжими*. Съ тѣхъ поръ *L' Orfana di Lorena* не сходила съ афиши въ теченіе 1855, 1856 и 1857 годовъ, и еще въ минувшемъ году была представлена болѣе 20-ти разъ (съ другими пѣвцами). Журналы *Armonia*, *Platea*, *La Spettatore*,

la Rondinella, Omnibus, Gazetta Musicale di Napoli, La Musica — наполнены самыми восторженными похвалами таланту маэстра Террановы и поздравляют музыкальный мир съ новымъ замѣчательнымъ композиторомъ.

Послѣ этого, Gioachin Terzani предпринялъ путешествіе по Европѣ, былъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Константинополѣ. Всѣ почти тамошніе журналы также чрезвычайно лестно отзываются о г. Террановѣ, какъ композиторѣ и какъ пианистѣ. Въ Парижѣ юный маэстро написалъ еще двѣ оперы — *Paoli* и *Zaira*, нѣсколько фантазій на мотивы изъ Лючіи, Нормы, Линды, большой концертъ для фортепiano съ большимъ оркестромъ, романсы *La Cieca, Il poeta morrente, Una prima lagrima*, и еще множество салонныхъ пьесъ.

Въ 1857 году Терранова былъ въ Одессѣ, Варшавѣ и Вильно; журналы: *Odesskij Vѣstnikъ, Kurjer Warszawski, Gazeta Warszawska, Gazeta Codzienna, Kurjer Wilenski*, и другіе говорятъ о г. Террановѣ восторженно. Въ минувшемъ году Джіованни Терранова провелъ лѣто опять въ Константинополѣ, гдѣ далъ нѣсколько концертовъ, съ Chiagomoute, Stramesi, Bonicoli и Rossi, потомъ возвратился въ Италію, для свиданія съ отцомъ своимъ, отставнымъ генераломъ неаполитанской службы; въ январѣ сего 1860 года, отправился въ Парижъ, гдѣ Борги-Мамо исполняла аріи изъ его оперъ, и романсы *La Cieca* и *il poeta morrente*, — а 22-го февраля пріѣхалъ въ Петербургъ, съ портфелемъ, наполненнымъ его произведеніями, доставившими ему извѣстность въ Европѣ.

Кромѣ музыкальныхъ удовольствій, предстоитъ нашимъ читателямъ и въ особенности читательницамъ еще другаго рода удовольствіе и именно: интересныя чтенія о французской литературѣ извѣстнаго литератора г. Сюзора. По примѣру прошлыхъ лѣтъ, г. Сюзоръ будетъ читать по воскресеньямъ, въ залѣ Второй Гимназіи. Первое литературное утро сегодня, а затѣмъ слѣдующія: 13, 20 и 27 марта. Цѣна за четыре чтенія 10 р. с., билеты можно получать у книгопродавцевъ Дюфура, Ключези и Исакова, также у самаго г. Сюзора.

Главнѣйшіе газеты и журналы Берлина (*National-Zeitung* № 93, *Berliner Montags-Zeitung* № 9, *Preussische Zeitung* № 93, *Vossische Zeitung* № 47 и др., единогласно свидѣтельствуя о громадномъ успѣхѣ, съ которымъ г-жа К. Фридбергъ явилась въ Берлинской королевской оперѣ, въ балетѣ Катарина въ главной роли, отзываются съ большими похвалами о талантѣ молодой и хорошенькой танцовщицы. Балетъ, по приказанію Принца-регента, вновь поставленъ съ большею роскошью нарочно для г-жи Фридбергъ, которую Берлинцы засыпали цвѣтами.

Неутомимый Тамберликъ успѣлъ уже явиться передъ Парижской публикой въ Отелло и Трубадурѣ и участвовать въ концертѣ въ Тюльери.

М. Р.

ЖИВОПИСЬ И МУЗЫКА *)

Давно признано, что всѣ искусства — родные братья; едаромъ древніе Греки поручили ихъ вѣденію одного и того же божества. Аполлону были подчинены всѣ музы, хотя занятія каждой отличались отъ прочихъ. При настоящемъ состояніи искусствъ, ихъ сходство сознается все болѣе и болѣе; слѣдуетъ ожидать, что современемъ это сходство, по выраженію Гегеля, приведется къ тождественности. Въ естественныхъ наукахъ, въ

сравнительной анатоміи и физиологіи, давно стало несомнѣннымъ, что, не смотря на разнообразіе формъ въ органическомъ царствѣ, во всѣхъ недѣлимыхъ его присущъ одинъ и тотъ же типъ, одинъ первообразъ. Точно также, въ области искусствъ, проявляющихся разнообразно, въ формѣ линий, контуровъ, красокъ и звуковъ, должно быть признано одно начало, одно и то же изящное, ищущее одинаково дѣйствовать на душу, только посредствомъ различныхъ органовъ.

Вудущимъ писателямъ предстоитъ завидная доля указать на многочисленныя точки соприкосновенія различныхъ краевъ великой области изящнаго, указать на тождественность архитектуры, скульптуры и живописи съ поэзіей и музыкой; для нашего вѣка, это дѣло трудное и почти невозможное, потому что потребна большая разработка, въ которой мы лишены предшественниковъ, а самимъ готовить матеріалы и въ то же время строить изъ нихъ зданіе — вещь неудобноисполнимая. Къ тому же, современные художники черезъ-чуръ спеціальны: посвятившись какой-либо отрасли искусства, они чужды прочимъ частямъ его.

Ut pictura poësis, сказалъ древній писатель; *ut pictura musica*, можетъ быть перефразировано нами. На самомъ дѣлѣ, при первомъ взглядѣ на исторію живописи и музыки, замѣчаешь поразительное сходство въ постепенномъ развитіи обоихъ искусствъ. Еще болѣе откроешь это сходство, какъ скоро углубишься въ ихъ сущность. Безъ сомнѣнія, рано, или поздно, появятся цѣлыя книги, въ которыхъ будетъ проведена тѣсная во всѣхъ отношеніяхъ параллель между живописью и музыкой. До той поры, полезно сдѣлать хотя слабую попытку подобной параллели; вотъ почему, въ настоящей статьѣ, рѣшаюсь прослѣдить самыя схожія явленія, преимущественно въ исторіи того и другаго изъ упомянутыхъ искусствъ.

Для подтвержденія основной мысли моей, бесполезно ниспускаться ко временамъ язычества. Увы! много ли мы знаемъ о живописи и музыкѣ древнихъ?.. Двѣ, или три мозаики — жалкія копии съ утраченныхъ картинъ, нѣсколько одноцвѣтныхъ рисунковъ на камнѣ и глинѣ, поблеклыя фигуры этрусскихъ вазъ, полинявшіе арабески Титовыхъ термовъ, безвкусныя помпейскія фрески — украшеніе провинціального городка, немногія и неполныя свидѣтельства Плинія и Павзанія — вотъ все, что дошло до насъ отъ древней живописи.

Отъ древней музыки не осталось даже и этихъ бѣдныхъ памятниковъ; напрасно многоученые нѣмцы селятся объяснить, въ чемъ состояли фригійскій, іоническій, дорическій и иные *модусы*: мы не понимаемъ почтенныхъ эллинистовъ и сомнѣваемся, чтобы они сами себя понимали.

И такъ, между музыкой и живописью древнихъ, провести параллель невозможно; остается начать ее со Среднихъ Вѣковъ.

Древніе Греки передали Византіяцамъ только механическіе пріемы кисти, но не самую живопись; она пришла въ упадокъ и, что еще хуже, остановилась неподвижно. Ревность первыхъ христіанъ уничтожила многочисленныя образцы древняго искусства. Тяжелые доспѣхи мужинъ и восточная роскошь женскихъ одѣяній замѣнили легкій классическій костюмъ; формы человѣческаго тѣла скрылись отъ взоровъ и скоро были забыты художниками. Еще болѣшая причина упадка живописи заключалась въ самомъ духѣ той эпохи. Новое ученіе указало человѣку на его духовную сторону, какъ на нѣчто вѣчное, а тѣло, равно какъ и весь видимый міръ, признало чѣмъ-то тлѣннымъ, скоропреходящимъ. Задача живописца сдѣлалась

*) Главная идея этой статьи заимствована изъ *Gazette des beaux arts* 1859.

страшно трудно: надо было облекать в видимую форму невидимый мир духа. При этой небывалой до той поры задаче, долго ли неопытному художнику впасть в сухой символизм? Это и случилось с византийским искусством. Всякий предмет получил условную форму, каждое лицо облеклось в неизменный тип, отступать от которого считалось преступлением. Художник стал работником чужой мысли, а не своего собственного вдохновения. Скованный этой мыслью, лишенный свободы, он мастерил свои картины, так сказать, по трафарету, который доставался ему от предшественников и долженствовал перейти в наследство его последователям. Жизнь и душа отлетели от его произведений, потому что его собственная жизнь вливалась в оковы обычая, его собственная душа была пѣма предъ голосомъ предразсудковъ; трудились однѣ руки, не призывая на помощь мысли и вдохновения. Въстѣ со свободою и страстями, художникъ потерялъ всякую оригинальность, утратилъ, правда, слишкомъ чувственную, экспрессию древнихъ, но въ замѣнъ ея не далъ ничего.

Иконоборчество, нашествія варваровъ и наконецъ магометанство, проклавшее всякое изображение одушевленныхъ предметовъ, не мало способствовали застою живописи.

Однако византийская школа бессознательно берегла въ себѣ сѣмена древняго искусства; эти сѣмена, не умирая, таились подъ ледяною корою невѣжества. Настала весна, сѣмя попало въ Италию и глубоко пустило корень въ ея благодатной почвѣ. Возрожденіе искусствъ провозгласило конецъ ихъ рабству. Живопись, послѣ долгой летаргій, зажила какъ-бы второю жизнью—явленіе ни чуть не новое въ исторіи человѣчества. То же самое случилось еще прежде, съ древними Греками, которые, получивъ отъ Египтянъ и Ассирійцевъ зачатокъ искусства, освѣжили и оживили его своимъ гениемъ. Когда, при столкновении съ народами Малой Азии и устѣи Нила, племена Пелопонеса сознали несостоятельность тяготѣвшей надъ ними силы Востока; когда свободное гражданское устройство и еще болѣе свободная философія смѣнили чудовищную теократію и вѣковую неподвижность мысли, искусство приняло живое участіе въ этомъ переворотѣ и проложило себѣ широкую дорогу. Сначала Дедалъ и ученики его сдѣлали попытку оживить движениемъ мертвые члены Египетскихъ статуй, этихъ громадныхъ іероглифовъ. Потомъ, эгинская школа продолжала начатый трудъ, все болѣе и болѣе приближаясь отъ мертвенности къ жизни, отъ символа къ идеалу. Наконецъ, въ сердцѣ Греціи, выросъ Олимпійскій храмъ, а въ святилищѣ его помѣстился уже не Ануписъ съ собачьей головою, не Озирисъ съ клювомъ ястреба, но Юпитеръ Фидія, съ идеально-человѣческими чертами, образецъ истинно-прекраснаго, олицетвореніе могущества, величія и правосудія...

Великое умственное движеніе ознаменовало XIII, XIV и XV вѣка. Наука древнихъ, поднятая изъ праха сперва Маврами, а потомъ Византийцами, породила духъ анализа, затеплила идею гражданской свободы и разбудила сознание человѣческаго достоинства. Въ это время, независимость и личность художника начали выплывать наружу. Николай Пизанскій внесъ свободное творчество въ скульптуру; немного спустя, Джіотто сдѣлалъ то же и для живописи. Гражданинъ небольшой республики, рожденный въ бѣдности и всѣмъ обязанный только своему таланту, скромный Веспильянскій пастухъ далеко превзошелъ своего учителя Чимабуэ. *Per dono di Dio*, какъ выражается Вазари, онъ бросилъ Византийцевъ, чтобы подражать одной природѣ; покинулъ символизмъ, тупое ремесленничество,

чтобы творить по внушенію только своего собственного вдохновения. При Джіотто, искусство впервые побѣдоносно вторглось въ область догмата; послѣдующіе живописцы постепенно расширили владѣнія художества, такъ что при Рафаэлѣ оно достигло всемогущества. *Афинская Школа* смѣло помѣстилась въ той же залѣ, какъ и *Преніе о Св. Прічастіи*. Микель-Анджело приглядывался къ извѣстному Ватиканскому торсу, когда рисовалъ главную фигуру *Страшнаго Суда* своего. Винчи, Тиціанъ и Корреджіо пошли еще далѣе—окончательно погрузились въ міѳологію и языческую исторію. Съ той минуты, независимость живописи сдѣлалась абсолютною.

Исторія средневѣковой музыки представляетъ точь-въ-точь такія же явленія: та же іератическая неподвижность, то же всемілие догмата; затѣмъ, то же возстаніе искусства, его эманципация, его совершенная свобода. Въ концѣ VI вѣка, памѣстникъ Св. Петра учредилъ особый родъ церковнаго пѣнія, который, по имени учредителя, называется *грегоріанскимъ*. Какъ все итальянское искусство той эпохи, грегоріанское пѣніе ведетъ свое начало, вѣроятно, изъ Византіи, гдѣ уже съ давнихъ поръ были извѣстны *пѣньи Св. Андрея*. Если бы существовала какая нибудь возможность отъ грегоріанскихъ тоновъ перейти къ византийскимъ, то, быть можетъ, мы попали бы на болѣе или менѣе ясный слѣдъ древне-греческой музыки, теперь утраченной безвозвратно. Какъ бы то ни было, получивъ папскую санкцію, грегоріанская музыка сдѣлалась, въ нѣкоторомъ смыслѣ, догматомъ вѣры и, подобно византийской іератической живописи, воцарилась на пѣсколько вѣковъ, не допуская въ себя ни малѣйшихъ измѣненій. Возрожденіе искусствъ предвозвѣстило свободу и музыкѣ. Но совершенно такъ же, какъ пизанская скульптурная школа, на пути освобожденія, предшествовала флорентійской живописной школѣ, въ свою очередь, живопись предшествовала музыкѣ, самому возвышенному изъ искусствъ и потому самому позднему относительно прогресса. Грегоріанское пѣніе долженствовало прожить цѣлое тысячелѣтіе, прежде чѣмъ уступило свое господство истинному музыкальному искусству. Правда, нѣкій монахъ, Гвидо д'Арсеццо (въ XI вѣкѣ) изобрѣлъ и ввелъ въ употребленіе неполную гамму, наименовавъ шесть нотъ ея первыми слогами латинской молитвы (*Ut queant laxis, Resonare fibris* и пр.), однако это былъ только новый способъ обозначенія, упрощавшій нисѣмо, но не внесшій въ самую музыку ни малѣйшаго измѣненія.

Когда, въ XIV вѣкѣ, великій Джіотто уже освободилъ живопись отъ византизма и подчинилъ ее изученію природы; когда, не лишая свои произведенія благородства, онъ сообщилъ фигурамъ жизнь и одушевленіе, а рисунку простоту и естественность; когда въ колоритъ ввелись разнообразныя и вѣрные оттѣнки, когда воскресъ давно-забытый портретный родъ и начали образовываться правила ракурса и перспективы; когда, наконецъ, явилась экспрессія, самая волшебная часть живописи, составляющая справедливое торжество повѣйшаго искусства надъ древнимъ—въ это время, что дѣлалось съ музыкой? Она попрежнему была связана пеленками грегоріанскаго напѣва, находилась во власти догмата, за неприступною стѣною предразсудковъ. Только въ концѣ этого вѣка музыканты поняли непрочность такой стѣны; хотя въ сущности церковное пѣніе продолжало быть тѣмъ же, но его стали разбивать на партіи, дробить на каноны, загромождая безвкусными и сухими украшениями, на какія только была способна тогдашняя схоластика. Эти нововведенія страшно затруднили работу композито-

ровъ, такъ что лучший изъ нихъ по праву назывался *musicus argutissimus*. Живопись уже стоитъ на высотѣ своего совершенства, благодаря гениальнымъ трудамъ Винчи, Рафаэля, Тициана и Корреджіо въ Италіи, Альберта Дюрера въ Германіи и Ванъ-Эйка во Фландріи, а Лютеровы *хорамы*, распространяясь между протестантами, только что начинаютъ исторгать музыку изъ рукъ римской тирани и открывать передъ нею дорогу къ свободѣ и народности. Со смерти Рафаэля прошло уже полвѣка, а Луджи Палестрина только что явился. Ученикъ Лютера по учителю своему Рудимелю, онъ преобразовываетъ хоры Сикстинской капеллы и сообщаетъ церковному пѣнію должный характеръ—простоту и величіе. Наконецъ, школа Каррачей давно борется съ упадкомъ живописи, перелетѣвшей изъ Италіи въ Нидерланды, Испанію и Францію, а Монтверде только что изобрѣтаетъ, или, если угодно, вводитъ въ употребленіе септиму и тѣмъ находитъ *экспрессию* звуковъ, приводящую къ музыкальной драмѣ, къ оперѣ.

Такое постоянное опаздываніе музыкальнаго прогресса, сравнительно съ прогрессомъ живописи, дѣлается еще замѣтнѣе въ XVIII столѣтіи. Въ живописи—повсемѣстный застой. Италія, Испанія и Нидерланды не могутъ представить ни единого достойнаго наслѣдника Рафаэлю, Мурильо, Рубенсу или Рембрандту. На Югѣ только Р. Менпсъ, въ созданіяхъ своего пера и кисти, еще хранитъ слабый отблескъ завѣщаннаго великими школами, тогда какъ на Сѣверѣ—художники кидаются изъ стороны въ сторону, не зная, на чемъ остановиться: въ Германіи, Эрнестъ Дитрихъ безнадежно берется за всѣ роды живописи; въ Нидерландахъ, школа Ванъ-деръ-Верфа думаетъ замѣнить серьезныя достоинства рисунка и красокъ тщательностью отдѣлки и цѣлостностью, а Франція, оплакивая недавнюю потерю Пуссена и Лесюера, наводняется жанристами, Ватто, Бушэ, Грѣзомъ, готовыми почтительно отступить передъ фалангою Наполеоновскихъ живописцевъ и ихъ казарменнымъ идеаломъ. Пробовали объяснять художественный застой прошедшаго столѣтія тѣмъ, что живопись, подобно словесности, живетъ чувствомъ и вдохновеніемъ, а XVIII вѣкъ всецѣло преданъ анализу, наукѣ, критикѣ, философіи. Можетъ быть, это правда и въ такомъ случаѣ служить новымъ доказательствомъ тѣсной связи, соединяющей пластическія искусства съ литературой. Однако, развѣ для музыки не пулю того же вдохновенія, того же чувства, которыми питается живопись? Какъ нарочно, въ эту эпоху, безцвѣтную для всѣхъ пластическихъ искусствъ, музыка достигаетъ самаго полнаго, самаго блестящаго развитія; восемнадцатый вѣкъ—золотой вѣкъ ея: онъ подарилъ Италіи Марчелло, Скарлати, Порпору, Перголезе, Чимарозу, умершаго почти въ годъ рожденія Россини; онъ надѣлилъ Германію Генделемъ, Бахомъ, Глюкомъ и Моцартомъ, которому Бетховенъ подражалъ въ первыхъ трудахъ своихъ... Какъ явленіе на свѣтѣ Галилея въ самый годъ смерти М. Анджело возвѣстило Италіи, что наука заступаетъ мѣсто искусства, такъ музыка, процвѣтавшая въ прошломъ столѣтіи, предстала утѣшительницею человѣчества, оплакивавшаго повсюдную гибель живописи.

Вотъ первое сходство, поражающее насъ при сличеніи двухъ, повидимому, столь противоположныхъ искусствъ: тѣ же фазы развитія, только падающія на различные года.

Но кончивъ историческое сравненіе музыки и живописи, слѣдуетъ ли остановиться, или идти далѣе? Нельзя ли продолжать начатую параллель, взявшись за предметъ съ другой стороны и разсмотрѣвъ оба искусства въ ихъ апогеѣ? — Попробуемъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №-рѣ).

А. СОМОВЪ.

Похожденіе за билетами на итальянскую оперу, въ послѣдній день масленицы.

Давно уже извѣстно, что въ Петербургѣ очень много меломановъ разныхъ сортовъ; одни наслаждаются музыкой со всею свѣжестью впечатлѣнія, другіе являются въ оперу не болѣе какъ экзаменаторы, для того, чтобы прослѣдить, не ошиблась ли гдѣ нибудь пѣвица, не оборвался ли голосъ у пѣвца и т. п. и, наконецъ, много такихъ меломановъ, которые, за старостию лѣтъ, неспособны уже ни къ наслажденію, ни къ должности экзаменаторовъ, а являются просто по привычкѣ, похлопать ушами; меломаны этого послѣдняго сорта усерднѣе всѣхъ посѣщаютъ оперные спектакли и всякія другія музыкальныя оказіи: «привычка вторая натура», говоритъ пословица; очень многіе изъ нихъ желали бы отправиться на тотъ свѣтъ не иначе какъ подъ звуки итальянской арии, «пропѣтой любимой пѣвицей. И какое раздолье меломанамъ въ теченіе зимы! цѣлыхъ три абонементы—60 спектаклей въ зиму, дополнительные абонементы и кромѣ того еще нѣсколько бенефисовъ, на которые абонементы имѣютъ право получать билеты преимущественно предъ всей остальной публикой, хотя опера, даваемая въ бенефисъ, всегда повторяется для абонементовъ, а публика неабонированная, кромѣ бенефиса, не имѣетъ другаго шанса попасть въ оперу. Но вотъ оканчивается сезонъ, исчезли дополняемый и дополняющій абонементы, осталось только два, три спектакля, дающіеся не въ счетъ уже абонемента, а просто для всей публики, участвовавшей и неучаствовавшей въ *откупѣ* музыкальнаго наслажденія на цѣлую зиму; меломаны всѣхъ трехъ сортовъ и всѣхъ трехъ абонементовъ, посѣщавшіе оперу въ теченіе цѣлаго сезона, не могутъ пропустить и этихъ послѣднихъ спектаклей; однихъ манитъ наслажденіе, другихъ желаніе провѣрить въ послѣдній разъ партію пѣвицы или пѣвца, третьихъ по привычкѣ похлопать ушами; кромѣ того послѣдніе, такъ называемые прощальные спектакли отличаются триумфами, заключающимися въ особенно-шумныхъ аплодисментахъ, букетахъ, повергаемыхъ къ ногамъ пѣвицы въ гораздо большемъ количествѣ, нежели во всю зиму, и безконечныхъ вызовахъ; триумфы обольстительны не только для самихъ триумфаторовъ, но и для тѣхъ, кто дѣлаетъ триумфы: способствовать пользѣ той или другой пѣвицы, подарить свой годосъ, чтобы заплатить тѣмъ дань восторга за испытанное наслажденіе или дань удивленія за арію, пропѣтую безукоризненно-вѣрно, все это влечетъ на послѣдніе спектакли привычныхъ посѣтителей оперы; но есть еще множество и другихъ желающихъ быть на послѣднихъ спектакляхъ: кто запылъ былъ дѣлами во всѣ зимніе понедѣльники, среды и пятницы, кто пріѣхалъ нарочно въ Петербургъ изъ окрестныхъ мѣстъ, чтобы провести здѣсь масленицу, кто только что женился и готовъ отдать полмира за логу, чтобы удовлетворить этимъ свою юную подругу, кто только что разбогатѣлъ и желаетъ блеснуть благопріобрѣтенными брилліантами на своей пожилой супругѣ, кто торопится показать свою дочку, только что созрѣвшую для выѣздовъ и проч. и проч. Какая масса желающихъ, и для всѣхъ только два, три спектакля, на которыхъ могутъ присутствовать 4—5 тысячъ челоуѣкъ!

Люди съ протекціей ищутъ себѣ мѣсть въ оперѣ путемъ личныхъ просьбъ, записокъ, посылаемыхъ предварительно и т. п.; а людямъ безъ протекціи остается снискивать билеты собственными средствами, т. е. отправляться самимъ или посылать свою прислугу въ кассу въ день продажи билетовъ.

Интересный видъ представляла кассирша Театральной Дирекціи въ день продажи билетовъ на спектакли двухъ послѣднихъ дней масленицы. Съ утра толпилась самая нестрая толпа у подъѣзда; въ нѣсколько секундъ послѣ того какъ отперты были двери, комнаты, гдѣ продавались билеты, были

буквально наполнены алчущими, а болѣе ихъ посланными, т. е. дворниками, лакеями, солдатами, мужьками, братьями, обожаемыми хорошененькихъ посьтительницъ театровъ и т. п. У всѣхъ была одна цѣль — билетъ, и по мѣрѣ того, какъ цѣль эта для стоявшихъ назади дѣлалась болѣе и болѣе недостигаемой, напоръ дѣлался сильнѣе. Кассы, окруженныя дубовымъ барьеромъ, напоминали Гунибъ, гдѣ такъ долго и такъ упорно держался Шамиль.

Билеты были разобраны съ быстротой, свойственной всякому товару, на который много потребителей. Публика тицтно, чуть не въ теченіе цѣлаго дня, спрашивала билетомъ и уходила съ выраженіемъ отчаянія и безнадежности, смѣшанныхъ съ масляничнымъ выраженіемъ лицъ, выраженіемъ загула, разгула и «последнихъ содроганій» масляницы.

За тѣмъ, сцены приекиванія и перекушки билетомъ переносятся въ разные закоулки Петербурга, куда мы и приглашаемъ *оминае* нашихъ читателей.

Толмазовъ переулкомъ былъ особенно оживленъ въ послѣдніе два дня масляницы.

Одну изъ *оттисковъ* сценъ около *торговаго дома* въ Толмазовомъ, мы намѣрены разсказать, но для этого необходимо сдѣлать нѣкоторое разсужденіе.

Вообразите себѣ самое свѣжее (т. е. малосольное) супружество, такъ что масляница совпадаетъ съ третьей или четвертой недѣлей медоваго мѣсяца; все дышетъ счастьемъ и разумѣется довольствомъ; салонъ камчатскаго соболя, покрытый лионскимъ бархатомъ, одѣваетъ роскошныя, 18 лѣтнія плечи молодой супруги, гривы сѣрыхъ рысаковъ занлетены ленточками, сани не успѣли еще испытать всѣхъ превратностей петербургскаго климата, кучеръ и лакей одѣты въ новыя и модныя костюмы и смотрятъ чрезвычайно сыто; внутри дома молодыхъ супруговъ всюду «блескъ и ароматъ»; мебель, картины, улыбки, ласки, капризы, желанья, все ново, какъ будто сейчасъ изъ магазина... и какъ бы поступилъ, спрашивается, самый мудрѣйшій философъ, если бы случилось ему, при всей этой обстановкѣ, утромъ, въ послѣдній день масляницы, услышать выраженное съ самыми сладкими приемами, желаніе своей молодой супруги имѣть ложу въ оперу на этотъ день? Разумѣется, остается или испортить окончательно свой медовый мѣсяць, или во что бы то ни стало найти ложу. Чего стоитъ, напримѣръ, сотня, другая рублей, когда въ бюро лежатъ кипы акцій, которыя съ каждымъ днемъ все падаютъ ниже и ниже; тамъ незамѣтно и безъ всякаго удовольствія улетаютъ тысячи, производя лишь «скрежетъ зубной», и здѣсь бросить сто, двѣсти рублей и приобрѣсти за это самое радужное окончаніе медоваго мѣсяца, ничего не значить. Но ложи всѣ уже разобраны, гдѣ и кто достанетъ?.. Можно ли въ такихъ важныхъ случаяхъ полагаться на прислугу?.. Остается одно средство — заложить пару сѣрыхъ рысаковъ и отправиться въ поиски, да кстати и супруга можетъ прокатиться въ собольемъ салонѣ, крытомъ лионскимъ бархатомъ. И такъ.

— Пошелъ въ Толмазовъ! говоритъ блестящей наружности господинъ, садясь въ такія же сани.

Поодаль отъ *торговаго дома* лакей соскакиваетъ съ козелъ и отправляется въ этотъ домъ конечно знакомой тропой, потому что *торговый домъ* безъ выѣздки около Михайловскаго театра и въ Толмазовомъ, очень хорошо знакомы всѣмъ кучерамъ и лакеямъ, господа которыхъ посѣщаютъ театры.

— Ну что, есть? спросилъ блестящій господинъ возвращающаго лакея.

— Нѣтъ-съ, всѣ проданы.

— Гм! произнесъ, съ выраженіемъ раздумья, несчастный супругъ, да ты сколько предлагалъ?

— Сколько вы изволили приказывать, отвѣтилъ лакей.

— Ты, мой другъ, назначилъ бы побольше, можетъ быть

за эту цѣну и найдутъ — вмѣшалась въ разговоръ юная супруга.

— Пожалуй, мнѣ все равно, сказалъ мужъ, обратившись за тѣмъ къ лакею съ приказаніемъ достать ложу, хотя бы и не въ бельэтажѣ.

Лакей опять побѣжалъ въ торговый домъ, но тотчасъ же возвратился съ такой же неудачей, какъ и прежде.

За тѣмъ сѣрые рысаки повезли своихъ господъ домой, гдѣ было уже нѣсколько человѣкъ гостей, и ожидали блины.

Разговоръ не сходилъ съ театральной темы, рѣчь шла попеременно то о балетѣ, то объ оперѣ, то о французскомъ, то о русскомъ театрѣ (о послѣднемъ всего менѣе, не смотря на то, что и хозяева и гости — всѣ были русскіе). Желаніе послушать Лагруа въ Нормѣ все возрастало болѣе и болѣе въ сердцѣ молодой хозяйки, и она начинала даже сильно нападать на своего мужа за то, что онъ не можетъ достать билета.

— Ужь, вѣрно, выручить тебя, сказалъ одинъ изъ друзей мужа: обѣзжу всѣ закоулки и непременно достану хоть два кресла; съ этими словами онъ взялъ шляпу, раскланялся и побѣжалъ... въ Большой театръ.

Послѣ нѣсколькихъ распросовъ у встрѣчнаго и попережнаго о томъ, у кого и гдѣ можно достать какіе нибудь билеты, онъ отправился, по данному адресу, къ какому-то мосту, въ Коломну; тамъ сыскалъ какого-то Оомку, служащаго при театрѣ по замповой части. Оомки не было дома, и на вопросъ, нѣтъ ли какихъ нибудь билетомъ, супруга Оомки объявила, что вѣроятно всѣ уже проданы, потому что Оомка съ своими друзьями отправился въ трактиръ, но что на всякій случай слѣдуетъ спросить о томъ его лично.

Искатель билетомъ отправился, по адресу, въ трактиръ и конечно, затруднился отысканіемъ Оомки между сотнями физіономій, сидящихъ группами за часмъ, водкой, пивомъ и т. п.; надо было спросить половаго, но часто обстоятельства говорить сами за себя, и на этотъ разъ стоило только вслушаться въ разговоръ сидящихъ за ближайшимъ столомъ, чтобы убѣдиться, что это былъ Оомка съ компаніей, или ему подобные.

— Сегодня все угощенье мое, говорилъ молодой парень съ выраженіемъ снѣжнаго загула въ голосѣ и въ лицѣ.

— Ничего, угощай, сегодня славно зашпобъ копѣйку, весело говорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Экая петля, подумаешь, говорилъ третій голосъ, на днѣ морскомъ сыщешь копѣйку.

— Какое тутъ дно морское, штука простая, говорилъ угощающій, съ видимымъ желаніемъ повѣствовать о своихъ подвигахъ: только знай всѣ порядки, какъ къ чему припророчиться, когда сколько билетомъ забрать, въ какомъ часу какую цѣну назначать... вотъ, къ примѣру, на Норму утромъ двадцать цѣльковыхъ за кресло, къ обѣду можно спустить, къ вечеру, если останется, тутъ больше и не возьмемъ какъ только вдвое, рублевъ восемь, шесть; а вотъ сегодня такъ всѣ пошли по двадцати, потому что до обѣда былъ большой запросъ, просто коюю не давали, ругаются, а даютъ, и господа все на-вертывались славыи, долго не торгуются...

— А вотъ, Оомкѣ-то не везетъ этакъ, сказалъ одинъ изъ слушающихъ.

— Да, что Оомка, просто дуракъ, не умѣетъ и билетомъ побольше достать, да и продать-то не умѣетъ, все жметъ къ углу, словно боится кого.

— Вѣдь и ты, чай, боишься; намѣдни вонъ Оомкѣ-то досталось славно на орѣхи, какъ чиновникъ-то увидѣлъ.

— Какъ бы не такъ, возражалъ ловкій продавецъ билетомъ: меня не увидятъ, покупаю-то не самъ, а на счетъ продажи нужно знать гдѣ становиться, ко мнѣ и на домъ господа приѣзжаютъ, я знаю кому сказать на счетъ билетомъ; вонъ въ

гандитерской есть ловкой мальчишка, онъ наплеть тебѣ, иной разъ, человекъ десять за однимъ билетомъ...

— А кто же тебѣ покупаетъ-то? спросили нѣсколько голосовъ.

— Кто! Разные. Иной разъ попросишь, жилецъ есть у сосѣдки, у Агафьи, чиновникъ; онъ такой чистенькой, подойдетъ такъ къ кассѣ, пожалуйста, говорить, ложу въ 3 ярусѣ, да двое кресель. Тамъ спросить: для кого? Для г. Иванова-съ; ну и несеть. Также землякъ есть, солдатикъ, славный человекъ; этотъ тоже ложу спросить, для генерала Вѣстищева, говорить; да пять, говорить, кресель пожалуйста для господъ офицеровъ. Ну и дадутъ, паспорту не спрашиваютъ... Выпьемъ-ка, братцы... заговорилъ угощающій.

Въ это время, господинъ, отыскивающій билетъ на Норму, сдѣлалъ ему подзывательный жестъ и спросилъ, не можетъ ли онъ достать, за хорошую цѣну, ложу или двое кресель.

— Опоздали-съ маленько; вотъ развѣ у Оомка, да его теперь не слышите, вотъ попозже, какъ смеркнется и смотрите его гдѣнибудь около театра, такой невзрачный, всегда точно озябъ; у него, можетъ, и получите, ему не продать днемъ-то.

Сѣрые рысаки, въ 7 часовъ вечера, подъѣзжали къ Большому Театру, и одинъ изъ сидѣвшихъ въ каретѣ господъ вышелъ, направившись вдоль зданія.

Здѣсь ему попадались нѣсколько фигуръ, похожихъ, по описанію на Оомку, и къ каждой изъ нихъ, господинъ адресовался съ вопросомъ, нѣтъ ли билетъ? Билеты были, но не такіе, какіе требовались: галерея-съ на третьей скамейкѣ, пять рублей-съ — таковъ былъ отвѣтъ; наконецъ у колоннъ главнаго фасада господинъ нашелъ Оомку и спросилъ, нѣтъ ли кресель? Есть-съ, проговорилъ робко Оомка, въ 8 ряду-съ.

— А сколько стоятъ?

— По двадцати рублей-съ...

Не успѣлъ Оомка договорить этой безбожной цѣны, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ послышался сильный и исполненный негодованія голосъ другаго господина.

— Отдашь ли ты, наконецъ, каналья, за 5 рублей, или я тебя изуродую какъ собаку?

Вмѣсто отвѣта, Оомка отбѣжалъ нѣсколько шаговъ, а господинъ пошелъ жаловаться въ кассу.

Не болѣе какъ чрезъ минуту, на театральномъ подъѣздѣ показался чиновникъ изъ кассы. Вѣроятно Оомкѣ была хорошо знакома фигура чиновника, и вѣроятно онъ не разъ испытывалъ кое-что неприятное для своей собственной фигуры, потому что онъ съ быстротой отбѣжалъ отъ зданія театра такъ далеко, что его вовсе не было видно, не смотря на освѣщеніе площади.

— Гдѣ же-съ? спросилъ чиновникъ у своего спутника.

— Да вотъ здѣсь, сію минуту была эта каналья; его надо непременно поймать; ну, пожалуйста, какъ же можно брать двадцать цѣлковыхъ за кресло!...

— Хорошо, если это ктонибудь изъ театральной при-

слуги, тогда, конечно, можно разыскать, говорилъ чиновникъ, и съ этими словами оба возвращались къ дверямъ подъѣзда.

— Вамъ угодно билетъ? спросилъ стоящій на подъѣздѣ господинъ, дородный, съ смѣлымъ видомъ и одѣтый джентльменомъ.

— Да, кресло, я далъ бы рублей восемь.

— У меня есть одно кресло, но я не отдамъ менѣе двадцати.

— Ну, помилуйте, какъ же вамъ несовѣстно... заговорилъ чиновникъ, публика недовольна, а вы...

— Прошу васъ, милостивый государь, не дѣлать мнѣ наставленій, я билетъ купилъ и имѣю полное право продать его за сколько хочу, а если не продамъ, то самъ пойду въ театръ...

Къ началу оперы все устроилось въ театра какъ нельзя лучше: всѣ, въ томъ числѣ и Оомка, сбывли выгодно свою контрабанду и отправились дѣлить свои барыши съ виннымъ откупомъ и другими увеселяющими учрежденіями.

Во время антрактовъ, въ корридорахъ театра и въ фойе иногда завязывался разговоръ на тему о билетахъ, при чемъ высказывались разные соображенія о причинахъ перепродажи билетъ, говорили, конечно, и *pro* и *contra*. Между прочимъ говорили, что и въ Парижѣ и въ Лондонѣ постоянно бываютъ случаи перепродажи билетъ въ кафе, на улицахъ, на театральномъ подъѣздахъ и т. п.; но тамъ, сказалъ одинъ господинъ, есть bureaux de location, гдѣ можно записываться заранѣе, и потому кто опоздалъ, не можетъ и роптать; мнѣ самому случалось заплатить 250 франковъ на второе представленіе *Vépres Siciliennes*, но это потому, что я не запасся билетомъ въ bureau de location ранѣе спектакля и винилъ только самого себя.

Изъ всего, что было говорено публикой можно вывести одно общее заключеніе: желающихъ быть въ театрѣ на послѣдніе спектакли было въ нѣсколько разъ болѣе, сколько вмѣщаютъ театры; конечно, недоставшіе билетъ были крайне недовольны; конкуренція въ цѣнахъ, предлагаемыхъ за билеты, возбуждаетъ спекуляцію въ людяхъ, смотрящихъ неразборчиво на способъ приобрѣтенія, особенно, когда этотъ способъ легокъ и не воспрещается закономъ; цѣны на перепродаваемые спекулянтами билеты возвышаются по мѣрѣ требованія ихъ; прекратить это неудобство какиминибудь полицейскими мѣрами, въ родѣ представленія паспортъ и полицейскихъ удостовѣреній о личности при покупкѣ билетъ и при входѣ въ театръ, нѣтъ никакой благовидной возможности; поэтому перепродажа билетъ вездѣ и всегда бываетъ и едва ли не будетъ постоянно; виноватыхъ въ этомъ нѣтъ, а для избѣжанія ропота въ публикѣ представляется очень полезнымъ средствомъ — устройство bureau de location.

—Ъ—Ъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ. ВЫШЛА ВТОРАЯ КНИЖКА ДРАМАТИЧЕСКАГО СБОРНИКА,

Содержаніе: Отецъ Семейства, оригинальная драма въ 4 дѣйствіяхъ, И. Чернышева. Дѣло въ шляпѣ, комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго И. Лашкевичемъ. Бобыль, сцены изъ русскаго быта, съ пѣснями и плясками въ двухъ отдѣленіяхъ, Н. Круглополева. ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С. Петербургѣ, въ конторѣ журнала ДРАМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ при музыкальномъ магазинѣ Ф. СТЕЛЛОВСКАГО, поставщика Двора Его Императорскаго Величества, въ Большой Морской въ домѣ Лауферта № 27. Подписная цѣна 5 руб. сер., съ доставкою на домъ 6 р., съ пересылкою 6 р. 50 к. сер.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 4 марта 1860 года. Цензоръ А. Ярославцовъ.

Въ типографіи Ф. Стелловскаго.

Редакторъ М. Раппапортъ